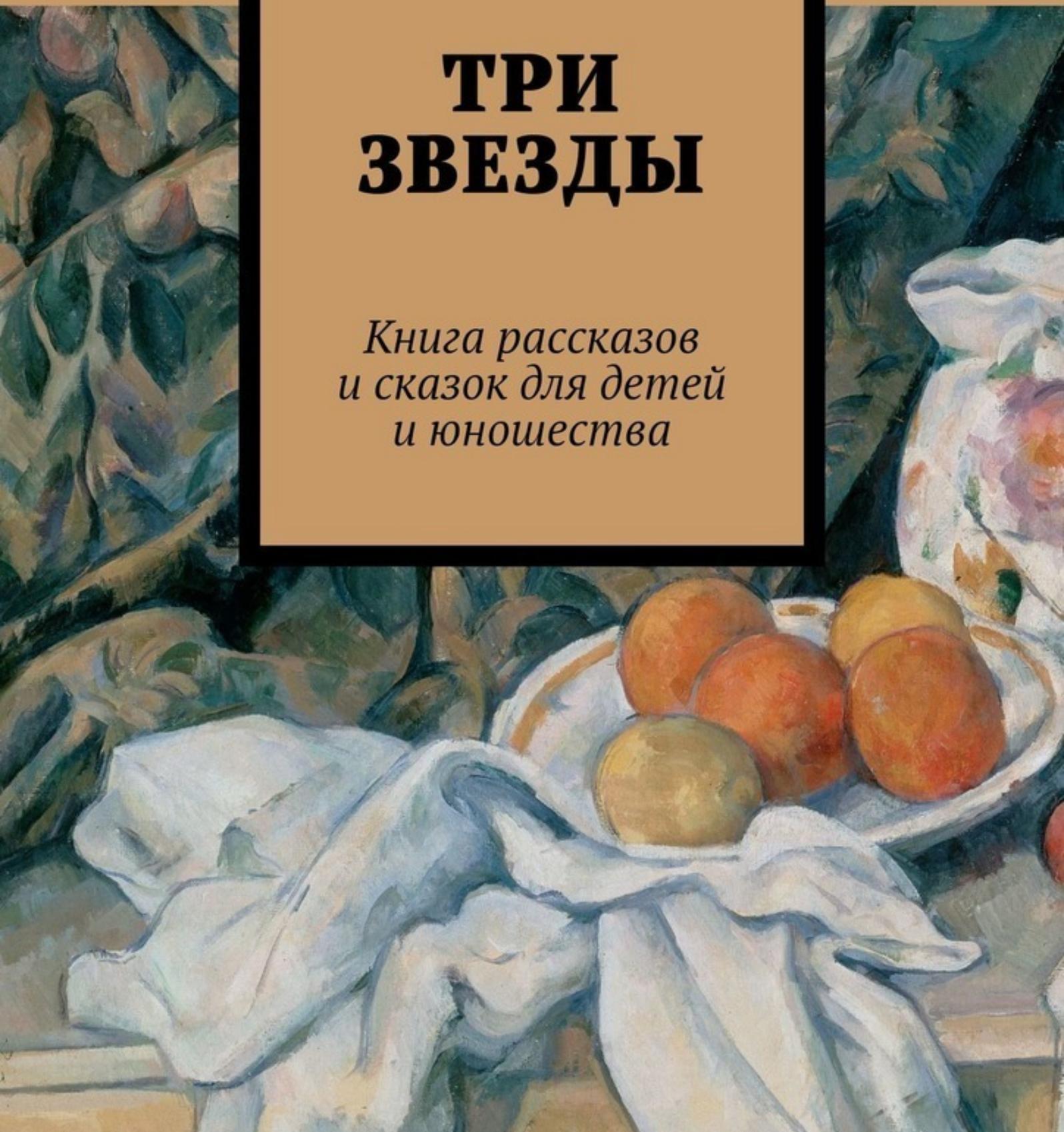

Елена Сперанская

ТРИ ЗВЕЗДЫ

*Книга рассказов
и сказок для детей
и юношества*

Елена Сперанская

**Три звезды. Книга рассказов
и сказок для детей и юношества**

«Издательские решения»

Сперанская Е. Б.

Три звезды. Книга рассказов и сказок для детей и юношества /
Е. Б. Сперанская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961256-4

В книге «Три звезды» представлены 30 сказок и рассказов для детей и юношества, которые снабжены красочными иллюстрациями и фотографиями. Чтение нового произведения автора доставит массу удовольствия юным читателям и их родителям.

ISBN 978-5-44-961256-4

© Сперанская Е. Б.
© Издательские решения

Содержание

ТРИ ЗВЕЗДЫ	6
МАЛЕНЬКАЯ СКРИПКА	10
ТРИДЦАТЬ ТРИ ПОКЛОНА	14
ВЫБОР НЕВЕСТЫ	16
ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ ТИХАЯ ЛАНЬ	25
ЛЮБОВЬ ЧАСОВОГО МАСТЕРА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Три звезды
Книга рассказов и сказок
для детей и юношества

Елена Борисовна Сперанская

© Елена Борисовна Сперанская, 2019

ISBN 978-5-4496-1256-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТРИ ЗВЕЗДЫ

Моя история начинается с рождения как у всех мало-мальски сведущих в законах природы людей. Листопад был в полном разгаре, вызывая положительные эмоции у прохожих. Замечательные денечки разгара осени подходили к концу, но не было никакого сомнения, что зима затмит необычайной красотой и силой увядание природы своей кружевной метелью и трескучими морозами.

К счастью родильный дом находился не в другом городе, а в самом центре одного из старейших городов на реке Волге с богатым прошлым, большим количеством купеческих особняков, скверов, парков и памятников культуры. Но для ребенка такая диспропорция в развитии его внешних данных и стариной не имела значения. Младенец не питал ни ненависти, ни негодования к своим уже зрелым родителям, а наслаждался тем, что появился на свет в семье великого гонщика и героя битвы при Халхин-Голе – Сергея и двух «наивных» взрослых, воспитывающих сына-первоклассника.

Эти муж с женой договорились, что, если родится мальчик, они отдадут его на воспитание в детский дом, а если родится девочка – в приличную семью, подразумевая себя любимых, дабы она могла в будущем вернуться в отчий дом и стать опорой родителям, состарившимся и вышедшим на пенсию. Они давно подыскивали женщину-донора, кому десятая беременность была бы в тягость, чтобы с наименьшими затратами обустроить свое семейное гнездышко.

Муж с женой поклялись настоящим родственникам, что воспитают девочку в лучших русских традициях, так как это послужило веским аргументом в выборе отчего дома. Мать-роженица осталась лежать в больнице, а ее супруг – гонщик на болиде не смог бы ухаживать за малюткой, так как постоянно тренировался и участвовал в международных соревнованиях, защищая честь страны, поэтому подыскивал интеллигентную пару, кому будет не безразлична судьба еще не родившего дитя.

Опекуны появились не сразу. Сначала они потеряли часть своих денег, путешествуя по Европе и миру, а затем в одном из ресторанов Стокгольма встретили немолодую беременную женщину с довольно привлекательным мужем-гонщиком, который в разговоре покаялся, что очень занят на работе.

– Представляете, сколько надо трудиться, чтобы воды напиться, – сказал он, имитируя известного артиста Филиппова.

– Нет, не представляем, – четко сказал интеллигентный, немолодой мужчина, придвигая к себе тарелку с картофелем, посыпанным укропом и пробуя еду с чувством собственного достоинства.

– А мы представляем, – их партнерши сказали в противовес, чувствуя свою предназначенность в мире скорби и насилия.

– У нас уже есть сын, – вдруг выбилась вперед старшая на вид женщина с манерами поведения сибирячки и опытной военнослужащей. – У нас есть маленький сын. Он сейчас находится в садике, но, когда мы вернемся, то возьмем его насовсем.

– Уважаемые, соотечественники, – Сергей тут же обратился к ней без обиняков, – могли бы вы приютить маленькое чудо. Мы с женой хотим найти ей опекунов.

– Мы согласны, – поддержал разговор интеллигентный мужчина лет сорока-пяти – муж женщины-военнослужащей в форменной гимнастерке. – Отметим это событие бокалом шампанского.

– Шампанского у нас нет, – Сергей сказал степенно. – Вот когда выиграю чемпионский титул, тогда будем купаться и обливаться шампанским. Это произойдет ровно через год.

– Тогда наметим дату рождения и встретимся у центрального роддома, – сказала его спутница. – Мы кажется из одного города.

– Отлично, но эти вопросы не решаются так быстро. Надо оформить усыновление через адвокатскую контору, – высказал предложение интеллигентный мужчина – муж разбитной военнослужащей с манерами сибирячки.

– Вот вернемся домой, и сразу сходим куда надо. Даже на Луну сможем слетать, – успокоила беременная особа, поражая всех своими внешними данными и чувственными руками. Интеллигентному немолодому мужчине показалось, что та уже его жена, а не горделивая военнослужащая, спешащая приобрести недвижимость в любой части планеты, лишь бы не быть «загнанной лошастью», как она сама выразилась до этого, восхищаясь памятниками старины столицы Швеции.

Группа экскурсантов вышла из ресторана и направилась к автобусу, пропуская вперед гида.

– Осмотрим набережную и гранитное с позолотой надгробие древнего правителя-нормана – Васы. А затем тем же маршрутом вернемся, – в мегафон объявила экскурсовод.

Умиrotворенные родители маленького сына – будущего первоклассника нашли способ договориться с адвокатом и патронажной сестрой в свободное время от поисков в магазине «Детский мир» школьной форме своему первенцу, приведенного в однокомнатную двадцатипятиметровую квартиру частного дома из круглосуточного садика. Он мечтал скорее освоить азы букваря.

– Итак, дело сделано, можно начинать копить деньги на следующую поездку за границу, – корректно намекала бывшая военнослужащая своему благоверному супругу.

– Принимаю твои пожелания с превеликим удовольствием, но надо учитывать наши потребности в еде и отдыхе. Мои финансы поют роскошные ромашковые романсы.

– Тогда начни собственный бизнес или открой словарь, чтобы понять, сколько у нас еще есть не использованных слов для описания антологии всех семейных традиций и путешествий, – внесла рационализаторское предложение женщина – бывшая военнослужащая.

– Прекрасная идея, – восхитился муж с манерами светского льва и продолжил чтение залежалой прессы, оставленной в почтовом ящике, но добытой сразу же по приезду из Скандинавского круиза.

Безалаберные взрослые проявили инициативу и честно по прежней договоренности забрали девочку домой, чуть не потеряв по дороге, периодически прижимая двоих детей то к стене родильного дома, то к сиденью троллейбуса. Но вскоре оказалось, что у ребенка не оказалось ни отца, ни матери. Через неделю она была отдана в детский приют с милицией, чтобы загулявшие в честь рождения девочки взрослые не потеряли в припадке радости беспомощного младенца.

Братик школьного возраста безвольно наблюдал за сквернословием и драками мужа и жены за право нянчить куклу. Они удивлялись, куда же делся недавно появившийся на свет младенец, периодически предлагая испуганному первокласснику понюхать краюху хлеба.

Зато когда после продолжительного тренировочного и соревновательного периода Сергей вернулся, он к своему счастью обнаружил, что дитя прекрасно себя чувствует под кровом детского приюта, под пристальным уходом профессиональных нянь. Такое положение вещей его успокоило, но он не потерял надежды стать отцом сына в который раз, чтобы вырастить себе замену в гонках на болиде, который находился у него в гараже.

– Примите во внимание, что мы вложили большие средства в рождение, воспитание и уход за детьми, – опекуны слезливо объясняли на суде опытным юристам, когда те лишали их родительских прав, называя «нерадивыми взрослыми».

– Надеемся, что наше героическое прошлое устремит вас и расставит все точки над «и». Вспомните, сколько крови пролила ваша жена за два с половиной года участия в Отечественной войне. Да, у ее мужа настоящий арсенал положительных качеств, – наставлял молодой адвокат,

желающий продвинуться по служебной лестнице и стать когда-нибудь рефери на спортивных соревнованиях и получать огромные гонорары.

– Прощенный, но не раб, – боясь показаться глупым, возмущался яростно муж, цитируя классика.

– Итак, еще один отрицательный отклик или жалоба и ваша старость окажется под угрозой, – адвокат говорил, сузив глаза и поправляя галстук, вызывающе глядя на опекунский совет в лице сотрудников Района.

– Мы исправимся, вот посмотрите, – опекуны с отчаянием рвали на себе последнюю рубашку, ввали, изворачиваясь, как ужи, надеясь на снисхождение судьи с большим опытом работы в правоохранительных организациях и опекунских советах, решая самые сложные жизненные вопросы. Жена в темном плаще, надетым сверху нарядного, желтого, крепдешинового платья, глядя из-под бровей на судью, подталкивая мужа в бок, неистово шептала:

«Мы исправим её внешность до неузнаваемости, тогда и терять не жалко будет деньги на дорогостоящие путешествия за границу или покупку ювелирных украшений, которых у меня пока нет, но со временем будет столько, сколько нет ни у одной миллионерши в мире. Понимаешь теперь, что нам грозит целая плеяда авантюристов, торговцев краденными бриллиантами и антрепренеров».

«Антрепренерами ты меня не запугаешь. Я изучил их в Италии. У них каждый день сие-ста», – в тон тихо отвечал ей муж, стоя в темно-синем драповом пальто. Он сжимал в руках достаточно потертые, кожаные перчатки, сгибаясь от боли в спине, когда его еле вытащили с того света после пулевого ранения и тяжелой операции по извлечению снаряда из мягкой ткани, произведенной его родной сестрой-хирургом во время перемирия между Антантой и Россией.

Провинившиеся заверяли в чем-то судью в черной мантии, а сами не верили в то, что говорили, надеясь на божью помощь или перевод денег из-за рубежа от несуществующих родственников, о которых они только мечтали, предаваясь послевоенным кутежам, прогуливаясь по ресторанам и кафе, намереваясь показаться респектабельными и способными на героические поступки. В те счастливые деньки, ни о чем не подозревающий, маленький сын находился в «очаговом», то есть круглосуточном яслях-садике и шалил примерно также, как все малышки его возраста.

– Хорошо, дадим вам срок на обдумывание, – суля прощение, судья завершила свою направленную, пламенную речь. Муж с женой, вспоминая, что они не успели позавтракать, кинулись в ближайшую столовую, заказали антрекот с жареной картошкой в долг, но потом, заметив приближение милиционера, отдали наручные часы с инкрустацией за обед, дабы не вспоминать о пройденном, опасном предприятии по усыновлению. Однако им немедленно пришлось вернуться домой, чтобы забыться в сладком сне и думах о текущем моменте, где достать так необходимые им денежные купюры на покупку телевизора, стиральной машины и холодильника.

Дома, удивленная чета не нашла, оставленной ими на попечение свекрови, малышки. Патронажная сестра отнесла девочку в тот же приют ровно на год, где прошли безмятежные годы сынишки или сводного братика, надеясь, что отец вспомнит о существовании крохи. Там девочку приводили в чувство, долечивая, зашивая, оставленные опекунами, ранки и ссадины.

После участия в тяжелых и популярных первенствах и соревнованиях автогонщик Сергей, наконец, получил признание публики, звание чемпиона и три золотые звезды, выиграв во всех командных заездах Европы, Мира и Олимпийских игр.

Победив, он купил новый гоночный автомобиль *Ferrari*, лодку для супруги, квартиру в центре и возглавил колонну победителей с развивающимися флагами союзных республик, намереваясь на мотоцикле прошесть по всему городу. Но его завернули и направили к тому родильному дому, где у него родилась дочь, усыновленная опекунами.

Теперь ровно через год у него родился сын, который должен был когда-то обязательно сесть на болид, продолжить традицию побеждать при любых погодных условиях.

МАЛЕНЬКАЯ СКРИПКА

Четыре сухих, но слегка расклеенных, треснутых и потертых каркаса скрипок – два самых минимальных для начальных классов музыкальной школы и два для взрослых солистов оркестра – хранились в плотном целлофане рядом с большим количеством бумажных пакетиков струн для гитары в морщинистой, коричневой, объемной, пыльной сумке под избыточным дождем журнальным столиком на балконе. Эта жалкая картина привела бы в негодование скрипичных мастеров, затративших на изготовление предметов искусства ни один месяц работы. Каждая вещь должна пройти периоды новизны, устаревания и превращения в хлам. Поэтому никому не было никакого дела, кто играл когда-то на этих музыкальных искусственных инструментах, так как там не было никаких свидетельств, а только деревянная основа. Смычки, колки, подставки для струн, подгрифники, подбородники, винты, струнодержатели и канифоль тоже отсутствовали. Альт, виола, виолончель, гудок, контрабас, пошкетта всплакнули бы, если бы увидели эту плачевную картину заброшенности и обветшания, а реставратор обрадовался бы и взялся за восстановления прежней былой славы этим музыкальным инструментам, несмотря на их грустный, а подчас несоизмеримо великолепный звук, ревностно сжимая в своих нагруженных руках.

Эти четыре отреставрированных каркаса скрипок могли бы послужить в часы досуга семье итальянских виноделов, где каждый с детства мечтал заполучить хотя бы что-то подобное, или тщеславному, алчному, «скупердяю» антиквару. Он мог бы поторговаться и гораздо дороже продать их на аукционе, а потом реализовать другие свои товары, наживаясь на любом проявлении великодушия у честных граждан.

– Кажется, меня хотят вылечить, – пролепетал самый оригинальный из всех своих друзей каркас.

– Не переживай, – заверил самый потертый полный каркас, глядя на тонкую фигуру, рассуждавшего, маленького своего подобия. – Мы еще полежим и поспим, пока ты превратишься в настоящую красавицу, которую сможет взять в руки любой ребенок, желающий научиться извлекать сказочную мелодию смычком.

– Моя верхняя дека тоже требует склеивания. На меня сел случайно утомившийся скрипач, чтобы я замолчала навек, – меланхолично продолжил второй полный каркас.

– Давайте не будем рыдать понапрасну, а вспомним праздничные былые концерты и представления, как мы обычно делали раньше, – сказал второй четвертной каркас. – Сколько милых созданий любовались нами! Сколько слез и грез мы прежде вызывали у родительской аудитории в просторных залах.

– Для моей вибрации не хватает душки, – встрепенулся первый говорящий четвертной корпус, устаревшего изделия с хриплым смехом пожилого господина, и закашлялся.

– Зато у меня есть душка, – стал хвалиться полный корпус без трещины. – Помню честолюбивого юношу. Он держал меня изредка и даже аккуратно вкладывал в твердый футляр, чтобы дать мне отдохнуть, а потом снова взяться за дело. Но потом мое место заняла известная французская скрипка, а я больше не выступал с концертами и не демонстрировал свой завиток.

– Какая мелодия без душки. Ни полноты, ни живости, – воспринимая серьезно сказанное своим другом, поддержал его сосед – полный корпус. Так они продолжали беседовать, пока пожилая женщина не достала с балкона старую морщинистую сумку из-под черно-белого от дождей и ветров фанерного журнального столика.

Она вытерла осторожно пыль, развернула целлофан, перебрала струны для гитары. Затем разложила четыре скрипичных корпуса – два самых маленьких и два полных – на полу.

Взяв кисточку, опустив ее в соответствующую лаковую краску с оттенками кленового дерева и сосны, она нанесла легкими мазками на все изделия, скрепляя трещины лаком. Когда

лак высох, она вторично покрасила устаревшие части скрипичных музыкальных изделий, некогда служившие верой и правдой своим почитателям.

«Кажется, у меня появились серьезные соперники», – подумала она, проникаясь иллюзией, что эти вещи когда-нибудь войдут в моду и достанутся будущим Страдивари, Гварнери, Амати или просто отправятся в музей скрипок в Венеции.

«Пусть мои шалопаи-внуки растут. Если захотят, то смогут наилучшим образом научиться играть на любом музыкальном инструменте, извлекая мелодию, излечивая от меланхолии и веселя душу». На следующий день пожилая женщина договорилась по сотовому телефону о встрече со скрипичным мастером в консерватории. У него была своя мастерская с различными, второсортными, музыкальными инструментами, вышедшими из строя, лежащими на полках и дожидавшимися починки. Взяв оба маленьких корпуса с собой, она показала специалисту свои наработки.

– Попробуем что-то сделать, – сказал скрипичный мастер – долговязый мужчина, напоминавший своим внешним видом Паганини. – Оставьте мне вот эту модель, – продолжил он, тщательно изучив оба блестящих корпуса, указывая на скромный маленький корпус, который уже имел некоторое сходство с уютной лодчонкой, плывущей по озерной глади.

Через два дня, когда направление ветра навеивало песню Сольвейг из оперы Эдварда Грига «Пер Гюнт», музыкальный мастер позвонил посетительнице и предложил встретиться у него в мастерской, чтобы вручить срочный заказ – долгожданную отреставрированную маленькую красавицу со всеми необходимыми атрибутами – ей лично в руки. Женщина с радостью согласилась.

Музыкальный мастер встретил женщину у себя в мастерской и продемонстрировал способности маленькой скрипки. Он дотронулся до неожиданно появившихся натянутых им струн на струнодержателе. Маленькая скрипка издала искрящийся высокий тон, как весенняя капля или маленький журчащий ручеек, спешащий среди камней горного ущелья, вызвав слезы радости у женщины. Заплатив сущие пустяки, женщина принесла домой свое сокровище, из которого уже можно было извлечь любые сказочные звуки мелодии и напевы. Смычок и канифоль пришлось подыскивать отдельно. На это ушло много труда, так как продавец в магазине музыкальных инструментов сначала записал заказ женщины и предложил ей позвонить через месяц, когда появятся нужные вещи на складе, находящемся тут же с правой стороны прилавка, где гордо стояли и лежали всевозможные изделия музыкальных мастеров, хоть сколько способные издавать прекрасные звуки и ритмы: кларнеты, виолончели, трубы, литавры, тарелки, барабаны, баяны, аккордеоны, полные скрипки и четвертушки, гитары, укулеле, электропианино Касио и Ямаха, синтезаторы и кое-что еще, что сразу невозможно было охватить взглядом. На прилавках под стеклом находились струны разной тональности.

Смычки аккуратно были сложены на стеллаже, но нужной конфигурации как назло не было.

– Не волнуйтесь, – посочувствовал молодой продавец. – Раз в месяц у нас всегда бывают поступления требуемых товаров. Сейчас начало учебного года и все маленькие смычки раскупили. Поэтому я закажу смычок для вас специально и позвоню вам на сотовый, как только он потупит в продажу.

– Как долго мне придется ждать поступления новой партии маленьких смычков для четвертушки скрипки? – спросила ревниво покупательница, наивно полагая, что все делается по мановению волшебной палочки.

– Возможно месяц или два. Вы не переживайте все в наших силах.

«Говорят, что Нора Робертс тоже в детстве играла на скрипке, но у нее не сложились взаимоотношения с ее учителями, поэтому она бросила тренироваться в музыке и занялась рукоделием», – подумала покупательница, надеясь, что ее мысли не прочтает сообразитель-

ный продавец, выглядевший как настоящий дирижер или участник вокально-инструментального ансамбля, с длинными кудрявыми волосами, перевязанными сзади ленточкой.

«Наверно он по вечерам играет в ресторане на бас-гитаре».

– У меня достаточно терпения. Буду ждать вашего звонка, – представляя, что она уже купила смычок, сказала себялюбивая женщина, не заботясь, что о ней подумает вся музыкальная элита города.

– Позвонят.

– В противном случае зайду к вам на неделе, договорились?

– Даже и не думайте этого делать. Так рано смычки такого размера к нам не поступят. Надо сначала позвонить в Москву и узнать поступали ли эти изделия с фабрики. Если нет, они закажут в специальной мастерской. Только тогда, когда изделие пройдет аттестацию, они мне позвонят, а я сообщу вам, что все готово. Это же не простое дело выточить и отшлифовать такой маленький смычок, а затем натянуть конские волосы, натертые канифолью, чтобы лучше скользил по струнам. Таких смычков очень мало, поэтому, если поступают в продажу, то разбирают моментально.

– Как хорошо вы говорите, понятно объясняете то, в чем я ничего не смыслю. А что у вас за спиной находится? Разве тот смычок не подойдет для такой вот скрипки? – спросила покупательница, указывая на небольшой смычок, находящийся в самом углу большого металлического стенда.

Она достала из бумажного пакета маленький корпус четвертушки скрипки без струн, аккуратно покрытый коричневатым лаком. Тот самый, который находился рядом с готовым изделием.

«Меня тоже демонстрируют продавцу. Значит, мы котируемся в мире соблазна и расточительства», – решил отреставрированный корпус, несколько не сожалея об отсутствии струн. «Но если бы я мог говорить вслух, то отругал бы продавца за истовую медлительность», – снова возмутился про себя маленький корпус, который принес немалую пользу в музыкальном воспитании ребенка.

– Этот смычок еще не оценен. Его заказали месяц назад. Сегодня прислали из Москвы и мне надо позвонить заказчице. Тем более что он не подходит для вашего инструмента, а гораздо больше и соответствует половинке скрипки, то есть следующей по размеру за этим корпусом.

«Да, я самый маленький в скрипичном ряду», – снова подумал отлакированный корпус без струн, который покупательница немедленно снова вернула в сумку. Печально вздохнув, покупательница продемонстрировала свое сожаление и надежду.

– Спасибо за разъяснение, будем надеяться, – сказала она настораживающее. Все нюансы промелькнувших мыслей выразительно отразились на ее лице, когда она покидала магазин.

Прошло два месяца, прежде чем продавец музыкального магазина, наконец, позвонил заказчице маленького смычка.

Женщина совсем потеряла надежду на покупку. Обрадовавшись и захватив с собой отлакированный корпус без струн, она ринулась в магазин.

«Неужели прислали?!» – с восторгом думала она.

«Меня опять берут с собой, как раньше на музыкальные занятия. Какая-то философская польза в этом заключается», – рассуждал отлакированный маленький корпус без струн, оставив двух своих полных друзей и маленькую скрипку дома. Выглядывая из сумки своим завитком, он наблюдал за крупными хлопьями снега, кружащимися в воздухе и прилипающими к стеклам автобуса, где ехала счастливая покупательница, возвращаясь со смычком и канифолью домой.

Наконец эти дорогостоящие вещи появились в руках у требовательной любительницы музыкальных инструментов.

«Ура! Наконец я дышу и могу жить среди милых созданий, в окружении их заботы и внимания», – восторженно подумала маленькая скрипка, когда увидела рядом с собой маленький смычок с туго натянутыми конскими волосами, навощенными канифолью.

Новая скрипка

ТРИДЦАТЬ ТРИ ПОКЛОНА

Жил на свете маленький худосочный мальчик по прозвищу «Тридцать три поклона», мечтавший стать великим человеком. Он ходил в школу, а в свободное время помогал маме по хозяйству: колол во дворе дрова, приносил воду из колодца, так как они жили в деревне, ухаживал за младшими сестрой и братом, ходил на базар, располагавшийся под навесом в открытом поле. Везде ему приходилось кланяться, поэтому он сам выбрал себе такое прозвище, а люди согласились называть его таким оригинальным именем. Всегда, когда он проходил по рынку мимо продавцов газет, молоком, рыбой, мясом, фруктами и овощами, они с радостью окликали его:

– Привет, тридцать три поклона.

– Здравствуйте, – с уважением отвечал он, снимая свою беретку.

Вот так он продолжал жить, помогая своей семье во всем. После школы, повзрослев, он пошел учиться дальше. Уехал в большой город, поступил в университет, стал посещать лекции, практические занятия и семинары. Ему приходилось много самостоятельно заниматься в библиотеке после спортивной секции, так как он еще ко всему был отличным боксером. Но так сложилось, что друзья тоже называли его этим же прозвищем, потому что он постоянно подходил к столу профессора, кланяясь, или задавал интересные вопросы в конце лекции со словами благодарности за услышанные, новые для него, научные данные, важную информацию, увлекательные сведения. Хотя, на самом деле, его звали простым именем Слава.

Окончив университет, Слава стал журналистом. Также ему приходилось ездить по городам и весям, писать репортажи для новостей, брать интервью у строителей, инженеров, врачей, артистов, режиссеров, моряков и всех, кто круглосуточно стоял на посту. Он скитался по дальним странам и заповедным уголкам, куда не ступала нога человека, отбивая тридцать три поклона в труднодоступных местах. С ним на телевидении работала дикторша Марианна.

Они подружились и стали настоящими ответственными помощниками всего коллектива журналистов новостного канала, корректоров, операторов, дикторов и главного редактора, который периодически говорил им, встречаясь утром на обсуждении вечерних выпусков:

– Надеюсь на все ваши тридцать три поклона. Пусть люди знают, сколько надо вложить труда в любое начатое дело.

– Мы не подведем, – отвечали они смеясь. – Расскажем обо всем, что знаем. Сумеем донести приветы от трудовых людей из разных стран до каждого читателя и зрителя, кто еще не успел побывать там.

– С вами у нас работа сладится, – серьезно подбадривал их руководитель крупной печатной и телевизионной корпорации по массовым коммуникациям, которая находилась в небоскребе из стекла и бетона. Наконец у Славы после тридцати трех командировок, где ему тоже приходилось неоднократно встречаться с директорами предприятий, сельхозпроизводителями, фермерами, появилась квартира для красивой невесты – Марианны. Это событие так его обрадовало, что они пригласили тридцать гостей на свадьбу, и троих музыкантов, чтобы веселили народ. Со всеми он здоровался за руку, кивал головой, а невеста в ответ шутила:

– Мы теперь с женихом будем танцевать, вместе кланяясь каждому гостю и музыкантам за преподнесенные подарки. Пусть посмотрят, как мы здорово умеем это делать.

– Все знают, что поклоны вы отбивать умеете, – восхищались гости новобрачными, даря тридцать три разных букета экзотических и скромных цветов – лаванды, розы, гладиолуса, иланг-иланг, орхидеи, магнолии, источавших благоухание, приводя в восторг Марианну.

Журналисты за работой

– Расскажем в твиттере о нашем бракосочетании всем трудящимся людям, кто нас знает, у кого растут маленькие дети, – отвечал Слава, раскланиваясь, также как он делал это в далеком детстве.

Вскоре у молодоженов тоже родились дети: сын и дочка. Они были похожи на своих родителей как две капли воды, а те постоянно следили за малышами, отбивая тридцать три поклона, помогая малюткам расти, крепнуть, стать такими же умными, внимательными, трудолюбивыми и заботливыми, как они сами.

ВЫБОР НЕВЕСТЫ

Фантастическая история

Морской моллюск плавал в воображении принцессы, когда она проснулась от внезапного грохота и шума от столкновения двух или трех средств передвижения, несущихся по гаревому полигону. Она нехотя открыла глаза, посмотрела на календарь и механический часовой механизм в виде избушки, действующий на батарейках. К своему ужасу тут же обнаружила, что надела спортивный костюм наизнанку, но не стала переодеваться и выглянула из окна, откуда неслись зловещие скрежет и удары, надеясь, что она плывет в невесомости. Но никакого моллюска, ни морских глубин рядом не оказалось, лишь гулкие звуки, доносящиеся с автострады. Там шла непрекращающаяся череда автомобилей, двигавшихся в одном направлении – в сторону аэродрома, где в ангарах стояли устарелые, военные, сверхзвуковые лайнеры с полудюжиной боеприпасов для стратегических целей.

– Неужели я проспала репетицию, – воскликнула она, быстро одеваясь, подбегая к двери. – Какая бездарность!

На столе у нее в комнате стоял букет искусственных цветов тоже на батарейках, где вокруг летали экзотические, электронные бабочки, образуя ауру, расширяя цветочное пространство до неузнаваемости.

«Сколько можно себе говорить, чтобы меньше смотрела ужастики, а то совсем выйду из строя и не смогу спеть ни одну партию в новом, оперном репертуаре, назначенным главным режиссером», – думала она за пять минут до начала прослушивания, направляясь к своему пресловутому электромобилю фирмы Судзуки, подаренного ей недавно отцом в честь двадцатилетия. С ним она виделась только на работе.

– Будь крайне осторожна. Не оставляй свой транспорт без присмотра, – в тот же день предупредил он жестко на репетиции.

– Неужели что-то может случиться? – удивилась она с наивностью годовалого младенца.

– Средство от угона уже зарекомендовало себя, но могут поднять в воздух вертолетом. Тогда ни за что не догонишь, – пошутил он.

– Постараюсь, – успокоила она щедрого «папашу».

Стоянка автомобилей находилась рядом с крупным супермаркетом. У принцессы никогда не было проблем с покупкой субпродуктов для студенческих вечеринок и поездок на шашлыки в лесной, близлежащий, пригородный массив, чтобы подышать чистым воздухом, без газовых испарений и полюбоваться остатками зеленых насаждений, выращенных с огромными затратами в закрытых помещениях, пересаживаемых садовниками обратно в кадки в зимний период. Въезд туда был платный.

Там в ажурной, металлической беседке можно было расположиться и полюбоваться красотами пейзажа, движением лодок по речной глади или заказать, напоминающее по вкусу карбонат натрия, «шампанское» в буфете наравне со всеми теми отдыхающими, кто заранее приехали туда, чтобы насладиться приятным, летним ветерком, ярко-зелеными, красочными видами окружающего, натурального пленера. Однако художников и фотографов ждать не нужно было. Они постоянно подходили, предлагая свои услуги за небольшие гонорары, чтобы портреты, выполненные маслом, и снимки девушек в купальниках на пляже фигурировали во всех популярных зарубежных журналах, включая Австралию и Океанию.

«Буду пробиваться через пробку. Как жаль, что крылья есть только у птиц, стрекоз и бабочек», – с нарастающей злостью, ударяя правой рукой по рулю, соображала она, сопровождая свои мысли веселым напевом из оперетты Кальмана «Принцесса цирка».

«Наконец-то нашли подходящую кандидатуру для любителей музыкальных шедевров. Возможно мои способности докажут всем о непреклонном стремлении девушки к своей мечте – найти достойного жениха. Сколько у нас в труппе есть приличных людей, но все они заняты своими проблемами», – Регина отчетливо представляла своих талантливых сотрудников. «Надо плюнуть на обстоятельства», – внезапно решила она. «На несколько часов окунуться на космическом корабле в просторы вселенной, заняться фантазмагорией, мирозданием или просто задраить люки и отплыть далеко на восток, в Тихий океан». Пробка на дороге, которая вела на аэродром, где проходили учения астронавтов на летательных, многоярусных тренажерах в форме перевернутых, пластиковых, столовых тарелок, постепенно рассосалась.

У Регины был знакомый парень – Габриель – из команды военных десантников: высокий брюнет в обтягивающих, спортивных, фирменных брюках. Он дожидался ее всегда рядом со световой рамкой с детектором в руках, проверяя наличие оружия в багажнике. Он напоминал ей что-то среднее между бывшим морским пехотинцем и Аватаром из старинной, одноименной версии фильма режиссера Кэмерона, затратившего на съемки фильма десятки лет и миллионы долларов, но не оправдавшего ожидания зрителей.

Они случайно познакомились зимой, когда она поздно возвращалась с репетиции. Габриель помог ей перезарядить аккумулятор, так как рядом с аэродромом машина у нее всегда разряжалась из-за сильного мороза и альфа излучений от нескольких радаров, которые следили за взлетом и посадкой летающих тренажеров. Ее компактный электромобиль работал исключительно на электрической батарее, поэтому Габриелю не представляло большого труда разобраться в строении двигателя и довезти Регину до дома, по дороге рассказывая о своих космических буднях, постоянных взлетах, риске столкнуться со своим коллегой по работе в открытом пространстве и взорваться.

Вокруг нее никакого транспорта не было, кроме старинных «телег» – так она называла автомобили, работающие на бензине, давно списанные в утиль, но бывшие в употреблении у очень богатых бизнесменов, которые не экономили на энергоресурсах, а покупали топливо где-то у дельцов из вновь разработанных скважин за границей. Осматривая в обзорное зеркало заднего вида, кто следовал за ней, она с радостью обнаружила, что бояться нечего, никто не пытался перегнать. Чтобы попасть в место нахождения первого и последнего в городе театра, она стремительно долетела на максимальной скорости до поста, где стоял дежурный.

– Нужно срочно проверить твой электромобиль, – заявил Габриель лаконично, строго хмурясь при мысли, что придется покинуть пост.

– Боишься, я погибну? – спросила Регина на этот раз.

Она тайно заискивала перед ответственным сотрудником, кто находился в непосредственной близости от нее.

– Такие случаи периодически происходили у нас на аэродроме, – соблюдая дистанцию, сказал небрежно Габриель, дежуривший в тот день.

– Надеюсь, что ты спасешь человечество и меня от надвигающейся опасности или всемирной катастрофы, – сказала она, находясь под впечатлением от увиденной утром аварии, когда на асфальт выкладывали тела, погибших по неосторожности, трех пассажиров из обновленной модели малолитражного седана.

«Наверно мне все это приснилось», – отбрасывая тягостные мысли, подумала она, глядя куда-то вдаль.

– Несомненно.

– Тогда моя машина в твоём распоряжении, – Регина предложила проводить ее до места, где располагался театральный район города.

– Сейчас позвоню своему коллеге – дежурному проверяющему. Пусть пришлет робота для фиксации радиоизлучений радара. Тогда мы сможем пересечь световую рамку, а я довезу тебя туда, куда ты скажешь.

Он нажал на кнопку стоящего рядом робота-дублера, чтобы клоны привезли новую, радиационную установку для перезарядки. Так он поступал каждый раз при экстренных случаях.

– Неужели мы можем ехать? – спросила Регина, сама не осознавая, что уже окутала Габриеля атмосферой, легким дуновением, тончайшим ароматом, как аурой, своей загадочностью.

– Несомненно. Но нужно дождаться ответного сигнала, что мои действия правомерны. Нельзя подвергать риску служащих.

– Хорошо будем ждать, сколько скажешь.

Габриель всю жизнь провел в пределах аэродрома, где служил его отец заместителем Главнокомандующего, а мать была причислена к обслуживающему персоналу гостиничного комплекса в качестве управляющей рестораном и кафе. Их аэродром считался закрытым, так как там работали заключенные с кодовыми браслетами на ногах. После трех лет пребывания списывали, отправляя в зону отчуждения, досиживать свой срок или, по личному желанию, они могли разорвать контракт, заняться частным бизнесом по снабжению аэродрома горюче-смазочными, эмитентными материалами, так как натуральная нефть и минеральные источники давно пропали из недр земли из-за энергетического кризиса. На это прискорбное событие ушло у человечества пятьдесят лет после военной катастрофы в Чернобыле. Тогда никто не хотел верить, что для свадеб и пиров нет ни денег, ни территории: все было утыкано военными полигонами и разорванными линиями электропередач.

Брюссельская капуста, огурцы, томаты, черри, яблоки, сливы и груши росли исключительно под стеклянными колпаками в специально построенных парниках. Другие названия фруктов и овощей выветрились из словарей, обиходной речи, больше не всплывая ни у кого в памяти, ни на поверхности стеллажей, чем они все пользовались в качестве мебели.

Вычурные изделия XXII века гордой цифровой цивилизации ушли в далекое прошлое, оставив после себя груды пластиковой посуды, ветхие бетонные каркасы небоскребов, смартфоны, законсервированные, недостроенные теплицы с отсутствием обогрева и полива, брошенные после нескольких взрывов фабрики, заводы; заваленные отходами туристов перенаселенные приморские пляжи и большое количество устало слоняющихся, безработных клонов, чьим местом жительства были те самые кладбища отходов, заржавленные, подводные лодки, в бесчисленном количестве брошенные в любом доступном месте.

Металл считался самым низкопробным, строительным материалом, пригодным только для реализации в пригородных районах для обмена на графит и целлюлозу, чтобы приспособить выращенные в верхнем грунте ростки для пересадки в труднодоступную для клонов область. Конфуцианство взяло, наконец, верх над зримыми другими религиями. Процветая, уничтожая всех иноверцев, мир превратился в отхожую яму для кощунственных свидетельств прежних, цифровых цивилизаций, так долго шедших к своему самоуничтожению благодаря усилиям террористов и уголовников, сумевших за сравнительно короткий срок – порядка двух столетий, что для всего развития планеты было сущей мелочью, – навлечь на себя проклятие потомков.

– Портится проводная система, – сказал Габриель, когда осмотрел весь электромобиль, пришел сигнал о возможности покинуть пост дежурного, чтобы пропустить машину в зону доступа.

– Это опасно?

– Нужно еще раз встретиться после общего тестирования, – он тут же назначил ей деловое свидание, доверяя роликовому роботу, как самому себе.

– Да, ты уже говорил мне об этом, – ответила она резко, внезапно теряя терпение, не надеясь попасть в труппу театра в ближайшие полчаса. – Сколько можно напоминать об одном и том же, – мелодичным голосом заявила она, как каждая оперная дива, считавшая своим личным долгом руководить процессом в любой ситуации.

– Разве? Что-то я не заметил, – парировал он смущенно, витая в облаках.

– Лучше надо работать, а не за девушками бегать по ночам, – бесцеремонно произнесла принцесса, подозревая его во всех смертных грехах.

– Шутить мы не будем, – предупредил дежурный, приближаясь настолько близко, что у Регины возникло ощущение, что он о чем-то недоговаривает.

– Встретимся на орбите обязательно, если за тобой не числится ничего предосудительного, например, военного участия в криминальных разборках на Евроазиатском континенте или в Латинской Америке. Мы можем общаться телепатическим образом.

– Прекрасная идея!

– Запомни, что называть меня можешь просто принцесса. На свидания для телепатического общения я никогда не опаздываю, – Регина была разговорчива, как все восторженные девушки ее возраста, окончившие театральные курсы с прекрасной характеристикой. Они были способны участвовать во всех исторических фильмах, снятых, чтобы запечатлеть себя и ход развития настоящего, перенесенного в далекое будущее, как это делали Дюрер, Рембрандт, Рафаэль и другие живописцы, представители эпохи Возрождения.

– Такой костюм как у тебя был популярен среди евреев в прошлом веке. Ты что откопала это барахло где-то в развалинах турецких пещер, куда скидывали последние туристы свои сумки, – сказал он с оттенком зависти и злобы, затрагивая самую болезненную для нее тему внешнего вида, так как она никак не отвечала требованиям, предъявляемым сказочной принцессе.

– А что тебе не нравится в моей внешности? – спросила она, разглядывая его резиновый, как у водолаза, черный костюм с двумя желтыми полосками по бокам и погонями.

– Регги, – он сразу перешел на фамильярный тон.

– В чем дело лейтенант?

– Ты мне лицом напоминаешь принцессу Диану, погибшую в автокатастрофе, где-то на рубеже двадцатого и двадцать первого века.

– Что такая старая?

Она облокотилась на бампер шестидверного электромобиля цилиндрической формы, сиреневого цвета, с прозрачным верхом.

– Думаю, что ты родом из Тринидада и Тобаго... – он включил блок питания, разглядывая, что показывал спидометр. – Я прав?

– Если тебе нравится, можешь считать, что так. Мои предки часто вспоминали ту катастрофу, глядя на меня, чтобы продемонстрировать свою осведомленность во всевозможных, разного рода катаклизмах.

– Никогда не встречал женщин в брюках и свитере. Все мои знакомые сотрудницы ходят только в комбинезонах серого цвета, с браслетами на ногах, чтобы передавать сигналы Главнокомандующему спецподразделения клонов о своем местонахождении.

– Ты не боишься? – удивилась Регина, машинально поправляя белокуро-пепельную прядь волос, разлетевшуюся из-за налетевшего из космоса муссона.

– Кого? Женщин или клонов?

– Считай, что обоих...

– Нет. Они получают отличное питание и следят за своей осанкой.

– Представляю табельное оружие ваших сотрудниц, – съязвила она, демонстрируя свой высокий рост.

– У нас с ними расходятся интересы, потому что наше спецподразделение занимается приспособлением модулей подводных лодок к тренажерам, перенаправлением в отстойники экологических отходов, чтобы в последствие заняться резкой и складированием металлолома, переплавкой его в гидравлические турбины для АЭС.

– Наверно часто приходится выезжать в разоруженные страны третьего мира?

– Бывает, но не так часто... – он замолчал, вспоминая единственную поездку.

– Расскажи, – потребовала она властно.

– Тогда мне пришлось одному чалить заржавевшую «консервную банку» в Тихий океан. Взрывал поодиночке, попадавшие на пути, пиратские суда, – он сделал многозначительную паузу. – Зачищал территорию, игнорируя заявление Главнокомандующего не братья за оружие.

– Но это, как в компьютерной игре?

– Почти.

– А что не так?

– Долго объяснять. Все крейсера были покрыты каким-то серым налетом, поэтому трудно было различать на фоне воды.

– Зачем тебе надо было это?

– Заработал годовую премию и сверхзвуковой джет для личного пользования. Вообще-то я давно тебя здесь приметил.

– Следишь?

– Это входит в шалости наших канониров, а мы просто получаем информацию обо всех водителях, пересекающих световую рамку.

Настроение Регины упало на несколько градусов, внезапно вызывая приступ гнева.

– Хорошо, что я об этом только сейчас узнала, а то пришлось бы мне глотать таблетки от головной боли при въезде на своем электромобиле в зону доступа.

– Дашь мне приглашение на свою премьеру? – спросил Габриель, изображая недоумение и желание понравиться.

– Можешь не сомневаться. Но придется подождать. Если мыслить честно, то моя карьера полностью зависит от флагмана и целлулоидных шаров, подвешенных к потолку театра.

– Будете выступать на сцене закрытого помещения?

– Придется привыкать. Но с ножом из блестящего картона мне уже довелось репетировать.

– Приятно слышать, что ты – такая занятая, – сказал он, прищуриваясь, усаживаясь на место водителя.

– Вот смотри, сколько у меня хорошей бумаги, – она указала на стопку газет и журналов прошлого века, когда села на заднее сиденье. – Представляешь, даже жаль ляжку тянуть. Все уже есть. Ничего не надо изобретать, – пренебрегая общепринятыми нормами поведения, она, почесав затылок чем-то вроде зажигалки, стала листать то, что лежало сверху на заднем сиденье.

– Довезу тебя, куда ты скажешь, а потом заеду за тобой с ценными исправлениями в цепи передач твоего электромобиля. Согласна?

– Разве у меня есть выбор? Мне нужно попасть на репетицию в театр военных действий, – нервно сказала она, снова пытаясь шутить.

– Такого уродства ни у кого из наших сотрудниц нет, – сказал Габриель, подразумевая ее движущее средство.

– Ты можешь передать мне свое послание телепатически или просто позвони на вахту. Меня сразу вызовут в артистическую уборную для переговоров.

Габриель предусмотрительно ехал на малой скорости.

– Надеюсь, что наши стажеры протестируют твой двигатель и отправят на доработку.

– Сколько буду тебе должна? Не люблю оставаться в долгу.

– Готовь двадцать динаров.

– Договорились.

Они миновали световую рамку, въехав в центральный район. Там дислоцировался весь военный гарнизон города, а рядом находился театр, по старой привычке, названный «Театром

войны и мира». Это государственное учреждение привлекало к себе не только гражданское население, но и ополченцев из Средней Азии и Средиземноморья, принявших статус беженцев.

– Буду ждать твоего появления у артистического запасного выхода, – сказал Габриель, глядя на Регину с воодушевлением и симпатией.

Однозначно, она никак не хотела идти на репетицию, поэтому тянула время, специально, меланхолично складывая стопку газет и журналов в обратном порядке.

– Вот какие у меня есть залежи. Еще хочу похвалиться открытками и «чумилками» для любителей покататься. Но это для тебя не ново. Ты наверно устал? Можешь пообедать или выпить чего-нибудь покрепче чая. Например, чашечку кофе с лаймом.

– Заедем после твоей репетиции в ближайший супермаркет. Там можно хорошо провести время, заодно и побалуем себя каким-то напитком местного изготовления. Ты пьешь содовую воду с пирожными или только ешь одни жареные каштаны?

– После бельканто сопрано предпочитаю и то, и другое. Могу даже съесть из айс-фриджа недельный запас продуктов зарубежного производителя.

– Учту твои пожелания и вкусы. Удачи!

Они расстались с горькими выражениями лиц. Каждый отправился по своим насущным делам.

Габриель выехал из зоны доступа в свой ангар для ремонта многоярусных тренажеров, где кроме него работали двое механиков-стажеров, демонтирующих все виды электрических приборов: велотренажеров для сотрудников, изучающих изменение сердечного ритма, температуру тела и нахождение ритмоводителя; побочных роботов, ведущих основные работы по сборке всех аэродинамических тренажеров; операционные системы, контролирующие браслеты клонов; электронные приходные ордера на зарплату; электровахтеров, как в метро, для сотрудников, когда они спускались в подземные, коммуникационные лаборатории; световые табло при пересечении каждого проверяющего помещения, где помещались все секретные материалы аэродрома и многое другое, что входило в их обязанности.

Регина с надеждой о скорейшем свидании с Габриелем появилась на театральной сцене между кулис без костюма принцессы, боясь двинуться, вызвав гнев режиссера, так как времени на переодевание не осталось.

– Так, не вижу главную героиню, – закричал режиссер, размахивая руками для ясности. – Почему отсутствует световая рамка. Мы же должны поддерживать свою безопасность от внезапных вторжений клонов.

Он расположился около сцены в кресле, а на его столе уже красовалась чашечка свежеприготовленного кофе. На вид ему было лет шестьдесят. Высокий, худой, седоватый, с нервными движениями, одетый в костюм и обычный серый халат, который он надевал для тепла, чтобы не мерзнуть в холодном помещении. Проработав много лет на этой должности, в его распоряжении было несколько клонов, кого он использовал для подручных работ, но не допускал приближаться к себе, а передавал лишь радиосигналы на их браслеты.

– У меня не хватило десяти минут на переодевание из-за пробки и катастрофы на дороге. Пришлось ждать, – полярно противоположно становясь к режиссеру, пояснила разочарованно Регина – солистка, исполняющая главную партию.

– Ладно, – режиссер захлопал в ладоши. – Начинаем. Твой выход.

Заиграла быстрая мелодия из динамиков. Регина, сверяя свой голос с фонограммой, скользившей тихим фоном, спела партию Джильды из оперы Верди «Риголетто».

Действие второго акта они репетировали уже несколько раз с декорациями, поэтому появление незаменимой, единственной солистки так разозлило режиссера, вводя всю труппу в такую неразбериху, что сам Риголетто, который был и режиссером, и отцом Регины, заставил всех двигаться по кругу. Другие женские действующие лица, исполнители ролей, прилежно отряхивая пыль с платьев, входили в образы, готовясь подобным способом сверкнуть на сцене.

Они были всесторонне развитыми, цивилизованными, мелодично повторяя про себя тексты арий на итальянском языке. Все свои арии Регина поместила в маленькой коробочке записывающего устройства, поэтому с детства не мыслила своей жизни вне театра. Всегда ей доверяли, ставили в пример всей труппе, не скупясь на комплименты. И на этот раз режиссер, закончив свою роль, назидательно сказал:

– Молодец, принцесса. А теперь беги, переоденься. Надеюсь, мы порадует наших зрителей через неделю премьерой.

Регина вернулась через три минуты. Костюмерша уже держала наготове костюм за кулисами. Девушка, быстро скинув свитер, надела бальное платье прямо тут же. Затем они доиграли весь спектакль до конца в театральных костюмах, соблюдая паузы.

– У меня мурашки по коже бегут, когда я представляю, что это задумка композитора наверно имела место быть в реальной жизни, – воскликнула Регина в гримерной, обращаясь к своей подруге, исполнительнице партии Джованны, наставницы девушки.

– Меня содержание совсем не волнует. Устарелая редакция к нашей жизни никак не относится. Думаю, зря выбрали такую трагедию. Есть же что-то современнее, – кладя руку на плечо Регины, посочувствовала Виолетта. – Мое имя тоже числится в оперном репертуаре.

– Космические трагедии давно нам надоели, но при всех затратах, мы могли бы спеть даже драму «Орфей спускается в ад» Уильямса, – Регина вспомнила спектакль, виденный ей по мобильному гаджету несколько дней назад.

– В репертуаре уже есть опера восемнадцатого века «Орфей и Эвридика» Глюка на три роли. Тоска несусветная. Когда-нибудь будет у нас конкурс, мы выполним все наши обязательства перед дирижером оркестра. А пока будем довольствоваться тем, что имеем в наличии.

– У тебя с ним роман?

– Что-то в этом роде. Мы предпочитаем не распространяться на эту тему с нашими статистами и кордебалетом.

– Ты хотела бы поменяться со мной партией? – спросила Регина у завистливой и ревнивой подруги, заканчивающей снимать грим около зеркала.

– Почему нет? А ты?

– Все в наших силах, но на все надо время и терпение, – мудро заметила принцесса вместо прощания, направляясь к выходу из костюмерной. Девушки переоделись в свои каждодневные костюмы. Они расстались с чувством удовлетворения, что успешно закончилась репетиция, ни один клон не пострадал, когда передвигали декорации. Те периодически выбрасывались из окон в надежде выйти из состояния транса, в котором постоянно находились после очередной порции допинга.

– Дождался. Вижу, ты на подъеме, – стоявший у служебного выхода из театра, Габриель похвалил Регину.

– Как твои успехи? Привел в порядок операционную систему и координацию импульсов моего электромобиля?

– Все в полном порядке. Можешь садиться за руль, – ответил Габриель, пропуская Регину вперед, наблюдая, как она легко уселась на переднее сиденье и стала тестировать двигатель – набор проводов, подключенных к электроразрядному устройству.

Сам он тоже сел рядом.

– Кажется все хорошо. Спасибо, – лаконично сказала девушка, не желающая мириться с одиночеством. Они отъехали на несколько метров. Внезапно до них донеслись оглушительные крики:

– Долой главного режиссера!

– Да здравствует свобода!

– Долой дирижера!

– Мы сами сможем поставить спектакль и выйдем на мировой уровень, чтобы заработать миллионы долларов!

– Солистов за сцену! – скандировали клоны. Они устроили забастовку, решив одновременно покончить со своим прошлым, чтобы доказать всем безработным, что рабочие места открыты для всех желающих.

– Опять они бастуют, – сказала Регина, переживая за свою подругу, которая задержалась в фойе, дожидаясь такси.

Сумрачное, ночное, городское освещение требовало увеличения количества электростанций, усиления мощности.

– У вас так происходят целевые разборки с персоналом? – спросил Габриель, который не привык к неповиновению, а всегда действовал по инструкции.

– Да, у клонов свои требования. Они работают за отгулы. Деньги им не платят, чтобы ограничить свободу.

– У нас на аэродроме точно также, но световые рамки мы не контролируем, а переустанавливаем кадровые, нейтронные изоляторы, куда стекаются все клоны в поиске места обитания.

– Сделан специальный отстойник для них? – спросила Регина, полностью, внутренне, опустошенная после репетиции.

– Что-то вроде этого. Там есть средства связи. Они могут высказать свое мнение или отправить любое сообщение наверх.

– Ты не боишься, что я узнаю государственные секреты, нарушив сиквенс между тобой и ними?

– Нет, не боюсь. У нас нет рабства. Все заняты любимым делом.

– А может быть, ты хочешь меня переориентировать? – спросила Регина, направляя электромобиль к супермаркету, куда так рвался Габриель, чтобы она угостила его чем-то экзотическим и натуральным.

– Что за детский разговор у тебя? Ну, ладно такую красивую девушку можно простить за бестактность, – искренне улыбнулся он, чтобы найти с Региной взаимопонимание.

– Спасибо, – машинально ответила она, смягчаясь, нисколько не придавая значения важности наступившего момента.

– Ты хотела бы быть моей невестой? – Габриель учел все допустимые варианты ответов.

– Что так сразу? – спросила Регина озабоченно.

– Почему сразу? Мы будем вместе всегда. А пока только надо ответить «да» или «нет».

– А ты как думаешь? – Регина стала задавать элементарные вопросы, на которые требовались максимально креативные ответы в духе китайской принцессы Турандот.

– Думаю, что мои интеллектуальные способности пригодятся театральной диве. На горизонте у меня маячит должность Главногокомандующего, – настойчиво предъявил он свои настоящие требования.

– Хочешь скорее вырасти в моих глазах? – она продолжала телескопический «обстрел» закодированного объекта, сидящего рядом с ней в электромобиле.

– Поразительная догадливость, – согласился Габриель чистосердечно.

– Заметь, что я еще – топ модель, манекенщица, актриса, – девушка решила поделиться достигнутыми достижениями в шоу бизнесе.

– Вероятно, это дополнение значит положительное решение нашей с тобой проблемы? – Габриель попытался передать, как можно доходчивее, свои внутренние чувства, которые не отразились на его лице ни коим образом.

– Хорошо, – сказала она с отсутствующим взглядом, тормозя около супермаркета, украшенного сетью непревзойденной рекламы со всевозможными вспышками планетарного характера.

Беседа закончилась к взаимному консенсусу в вестибюле, около лифта на второй этаж, где находилось кафе. Регина совершенно не чувствовала себя обиженной, когда им принесли заказ: жареные каштаны и две чашечки кофе. От содовой воды с пирожными они отказались из-за отсутствия натурального масла. Могли угостить лишь приготовленным из маргарина суррогатом.

ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ ТИХАЯ ЛАНЬ

Взгляды всех сотрудники библиотеки были устремлены в мониторы компьютеров. Они были заняты обследованием своего фонда, считая в программе *Excel* количество книг, отправленных в архив и тех, что были изъяты читателями на определенный срок. Выходила ужасная неразбериха. Но общее количество соответствовало тому, что было год назад, включая новые поступления. Несколько книг приняли буквально только те, что прошли проверку в Книжной Палате, поэтому надо было зарегистрировать, отправив на платный абонемент, чтобы у любителей высококачественных, выставочных изданий была возможность читать популярную литературу в свободный от работы час. Никто из библиотекарей не обращал внимания на посетителей читального компьютерного зала, тщетно пытавшихся найти для себя то одно, то другое издание или заглянуть в свой почтовый ящик, чтобы определить наличие там сообщений от друзей, деловых партнеров, родителей и детей.

В зале не было ни одного свободного места. Посетители заносили стулья из коридора, чтобы расположиться рядом с удачливым абонентом, кому посчастливилось первому атаковать, получив разрешение на временное использование персонального счетного помощника.

– Могу присоединиться к вам? – спросила интересная, скромно одетая женщина бальзаковского возраста у очень красивой, ярко окрашенной девушки, сидящей около монитора, нервно стучащей по клавишам панели, не очень-то точно попадая на нужные буквы.

– Только после того, когда я закончу. Вы мне мешаете сосредоточиться на моей теме диссертации, – ответила девица высокомерно, наклоняясь над монитором, производя впечатление на незнакомку. На девушке была яркая мини юбка и фиолетовая майка-топик. Из-за длинных ног коленями она упиралась в стол, чувствуя себя вполне комфортно подальше от палящего летнего солнца.

– Представьте, что у меня та же проблема. Готовлюсь сдавать кандидатский минимум. Нужны ответы на вопросы к экзамену по философии, – объяснила подошедшая женщина членораздельно. – Мне разрешили присоединиться к вам.

Они посмотрели друг на друга с неприязнью, понимая безвыходность своего положения.

– Ну что же, если разрешили, садитесь, но придется подождать. Я совсем потеряла зрения с этими письмами. Никак не могу найти нужное по числам, – пожаловалась будущая диссертантка своей старшей соседке.

– Отдохни, а я пока поищу биографию философа Сенеки. А то в моем учебнике дано мало информации. Тебя как зовут?

– Тилан. Но это сокращенно. Расшифровывается – тихая лань, – очень невнятно сказала она.

– Впервые слышу такое имя. А вообще-то все в жизни бывает превосходное один раз, – как-то заумно выразилась вновь прибывшая посетительница.

– Сейчас с работы заскочила в тюрьму. Брала интервью у заключенных женщин. Нахожусь под впечатлением. Хочу написать родителям в Италию, чтобы не волновались за меня, – Тилан, обрадованная внезапным, случайным общением, эмоционально поделилась своими планами.

– Меня зовут по-другому, предположим, Ирина Владимировна, – банально продолжила женщина. – Родителей в Италии у меня нет. Конечно, это замечательно, когда о тебе кто-то заботится.

– Мы дружим, даже встречаемся иногда, когда приезжаю к ним в отпуск. Приходится много работать, чтобы заработать на поездку, – сказала Тилан, с грустью продолжая читать письма.

– Наверно много приходится путешествовать? – спросила Ирина с видом профессионального репортера, умеющего найти подход к людям.

– Работаю с самого детства: то актрисой, то моделью, теперь подвигаюсь в журналистике. Учусь в аспирантуре. А была в детстве королевой красоты. Разве не заметно? – очень просто спросила девушка, источая великолепия густо нанесенными, фиолетовыми тенями на веках, колоритной крем-пудрой, под цвет загара, на щеках, моргая, ярко накрашенными черной тушью, ресницами, внешностью идентичной с Орнеллой Мути, известной по фильму «Укрощение строптивого», режиссеров Кастеллано и Моччиа. Устоять перед взглядом такой мировой красавицы едва ли возможно было. Ирина смутилась, но не показала вида, а внутренне собралась и парировала:

– Вот это заметно. Все-таки вам лучше сниматься в кино. Сборы будут сногшибательные. Будете участвовать в кинофестивалях, биеннале, просмотрах. Будет масса поклонников. Будете всем раздавать автографы, дефилировать перед журналистами и фоторепортерами.

– Это все в прошлом. Хочу начать жизнь с чистого листа, как говорят некоторые мои бывшие сокамерницы, с кем я находилась в заключении почти целый час.

– Что так долго брали интервью? – сказала Ирина, сделав недовольное выражение лица.

– Пришлось, чтобы отчитаться перед руководителем. Он требует какие-то факты, что у меня теперь есть, – объяснила Тилян с чувством удовлетворения, а Ирина с трудом могла представить, чтобы девушка с такой внешностью могла перемещаться по тюремным коридорам или ждать встречи в комнате для свиданий.

– Здорово! И в чем же заключается их криминал?

– В основном наркотики. Это самая популярная среди них статья закона.

– Все это – очень неприятно и буднично. Никакой романтики. Одни проблемы. Просто страшно, сколько поломанных судеб из-за тлетворного зелья, – рассудительно сказала Ирина.

– Романтика бывает на фестивалях и кинопробах. Вы меня увидите еще на страницах журналов. Появлюсь в своем бальном, королевском платье, доставшемся мне от мамы, – с гордостью проговорила Тилян.

– Правильно. Не надо вам больше посещать казенные дома. Там нет ни режиссеров, ни сценаристов, а одни заключенные. Карьеру, сами понимаете, надо делать в молодости... Можно потерять все, если следовать порочному образу жизни, – многозначительно добавила Ирина, удивляясь смелости, великолепию и самостоятельности кинозвезды, сумевшей стать в детстве королевой красоты, привлечь внимание общественности благодаря удачному стечению обстоятельств, родительской опеки и настойчивости кинокритиков.

– Что тоже побывали там когда-то? – напрямик спросила Тилян – будущая журналистка и актриса.

– К счастью нет, и не собираюсь, – ответила Ирина, собираясь закончить скользкую тему разговора, нервничая из-за аншлага в библиотеке.

– А я хочу написать книгу об этих страдальцах. Это будет темой моей диссертации. Неужели в вас нет никакой жалости к ним? – распаяясь, спросила Тилян, продолжая листать письма в своем почтовом ящике.

– Жалеть – не мой профиль. Зло надо искоренять. А жалость может лишь навредить в профессиональной деятельности, – нравоучительно сказала Ирина, имея за спиной стаж воспитательной и педагогической деятельности.

– Придется наведаться в те скрижали еще раз. Много меня заинтересовало в работе следователей полиции и экспертов. Сами заключенные просили меня зайти к ним для разговора, – с досадой сказала Тилян, припоминая свои независимые предыдущие шаги в пределах государственных учреждений.

– Желаю удачи, – совершенно искренне поощрила девушку Ирина.

– Удачи мало. Надо еще разрешение и пропуск за подписью начальника тюрьмы. Могли бы вы помочь заключенным деньгами? Они все хотят взять у меня взаймы какую-то сумму, – Тилан явно хотела переложить на плечи Ирины насущные проблемы и чаяния людей, попавших в тяжелые, жизненные обстоятельства.

– Думаю, что нет.

– Почему?

– Это философский вопрос. Боюсь, что так сразу не смогу на него ответить. Надо подготовиться, почитать на досуге нужные издания, покопаться в периодике.

– Вот мне тоже также сказали. Не хватает времени на все. А вам?

– Как видишь. Спешу сейчас домой на обед, но надеюсь после зайти, найти нужную информацию. Да вот, кажется, один стол освободился, – Ирина пересела на свободное место и занялась изучением философии с позиции современных взглядов на предмет.

Напряженная обстановка среди библиотекарей пошла на убыль. Они заканчивали пересчитывать фонд, сверяя между собой данные, добытые из компьютера. Все у них получалось совершенно четко и без помарок.

– Встретимся после обеда? – спросила Тилан.

– Возможно, – ответила неопределенно Ирина, хотя разговор завязался серьезный.

– Я здесь еще буду долго разбираться с письмами, – Тилан пообещала Ирине, демонстрируя свои внешние данные с апломбом профессиональной актрисы и кинозвезды.

На самом деле, после получаса передышки, Тилан заметила Ирину, спешащую в компьютерный зал.

– Убью сразу двух зайцев: поработаю на компьютере и поищу книги в каталоге, – сказала Ирина, чувствуя свое превосходство в возрасте перед известной актрисой. Она испытывала облегчение от каждодневных забот и летнего зноя в тени компьютерного зала, где тихий шум кондиционера не мешал работе посетителей.

– Уйдем вместе. Мне уже надоело здесь быть. Как у вас дела? Нашли, что искали? – поинтересовалась девушка, несколько не разочарованная в своем поиске.

– Очень мало информации. Но кое-что откопала. Сейчас распечатаю один лист и уйду, – сказала Ирина, довольная, что удалось выудить интересную статью о древнем философе, чья биография отсутствовала в учебнике, и общением с такой феноменальной кинозвездой, чьим творчеством она могла только восхищаться.

Они снова разговорились, покидая вместе просторный зал, где находился каталог с фондом, несколько столов с компьютерами и принтер. Оказалось, что Тилан работает на прежнем месте службы Ирины, сидит точно за тем же столом в государственном учреждении, где раньше трудилась аспирантка, желающая сдать экзамен по философии на «отлично».

– Удивительное совпадение! – восхитилась Тилан, выяснив некоторые подробности о прежних сотрудниках Ирины, ставшими теперь ее коллегами.

– Ничего удивительного, нормально.

– Где теперь работаете? Возможно, скоро мне предстоит сменить профессию или место работы, поэтому ищу подходящие ориентиры в мире бизнеса. Интересно, есть ли у вас что-то на примете для меня?

Ирина тихо вздохнула, не выдавая внутренней борьбы.

– Преподаю в университете. Судя по тому, что ты владеешь несколькими языками, тоже можешь, вернувшись в Италию, обучать русскому языку молодых людей, стремящихся научиться правильной речи, – сказала Ирина с оттенком зависти.

– Да, это будет в перспективе. Мне многое предстоит еще изучить самой, чтобы стать преподавателем, как вы, – согласилась Тилан, стремящаяся покорить мир своей красотой, умом и диссертацией о женских тюрьмах. Они расстались, а Ирина вспомнила, что нужно проштуди-

ровать все вопросы к экзаменам, дабы не ударить в грязь лицом перед докторами наук в экзаменационной комиссии.

ЛЮБОВЬ ЧАСОВОГО МАСТЕРА

Невысокий пожилой мужчина с седыми редкими волосами, едва прикрывавшими лоб, склонился с увеличительной лупой в глазу и щипчиками в руках над часовым механизмом, сидя за столом около высокого, откидного, полированного прилавка, разбирая очередной часовой механизм. Несколько настенных часов с маятниками и без чопорно красовались на дощатой стене его мастерской, показывая разное время. А сам он напоминал Гудвина из сказки А. Волкова «Волшебник Изумрудного города». Что-то необыкновенное, сказочное и фантастическое совершалось вокруг него. Он был центром вселенной, просто исправляя ход времени. На шее у него была толстая серебряная цепочка с крестом, глядя на которую, возникало ощущение, что жизнь может продолжаться бесконечно, а время на часах никогда не остановится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.